

Таня Ждан

Хлоя.
Ярче звезд

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Ж42

Ждан Т.

Ж42 Хлоя. Ярче звезд / Т. Ждан — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 330 с. — (Хлоя. Ярче звезд).

ISBN 978-5-521-90890-5

И вот ты снова начинаешь заново. Опять. Но как научиться жить во вселенной, где тебе нет места? Где ты вынужден скрывать свою личность, скрываться от себя, от своего прошлого, от всего мира, который ты так силишься спасти? Как теперь вообще найти в себе силы попытаться идти дальше, когда все, чем ты когда-то была, разрушилось как карточный домик? Враг повержен, и, казалось бы, ничего не угрожает твоему существованию, никто не покушается на твою свободу, весь мир у твоих ног, но как скрыться от своих демонов, преследующих тебя по пятам? Как совладать с той силой, что растёт с каждым днём, сохранив при этом остатки человечности? Как засиять новой звездой на небосклоне, не взорвавшись, уничтожая все вокруг?

Вторая часть трилогии «Хлоя», где вас ждут новые герои, новые события и новые испытания для ставшей бессмертной.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90890-5

© Татьяна Жданович, текст, 2022
© Анна Каплун, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ — АДАМ

Вокруг творился настоящий ад. Если вы когда-либо относились с пренебрежением к лесным пожарам — настало время все переосмыслить. Ибо даже в аду, наверняка, было попрощаднее. Кажется, сам воздух был готов вот-вот взорваться. Я пытался унять дрожь в коленях, сохраняя остатки контроля над ситуацией. И над нажатием газа и тормоза. Эми будто чувствовала — эта поездка была ужасной затеей. Я даже не подозревал, что кемпинг вместе с моим сыном обернется эвакуацией из зоны бедствия.

Не нужно быть гадалкой, чтобы понимать, что мы с Генри были в эпицентре лесных пожаров. Мы уже битый час стояли в пробке, отрезанные от пути назад бушующей стихией. На дорогу то и дело валились обугленные деревья, уворачиваться от которых становилось все сложнее и сложнее. Я пытался сохранять спокойствие и трезвость ума, пока передо мной не открылось зрелище, достойное фантастического фильма — это была та самая троица. Трое инопланетян с ТВ с сияющей кожей... Десятки раз видеть обрывки видео с ними в новостях, в социальных сетях — не шло ни в какое сравнение с тем, чтобы лицезреть их вживую. Я не мог поверить, что они были здесь... Повелитель стихий, как его прозвали в прессе, отводил огонь подальше от дороги, сражаясь с падающими деревьями... Уму непостижимо: земля у корней гигантских деревьев, словно стая муравьев, поднималась по их стволам, все крепче увлекая их корни в свои глубины. Еще один парень, которого фанаты незатейливо прозвали Телепорт, телепортировал людей из машин, попавших в западню, подальше отсюда, то и дело исчезая и появляясь из ниоткуда. Мне казалось, что я брежу... Я до конца так и не верил в их существование, как и многие другие. В конце концов, фотопшоп, видеомонтаж, новые технологии позволяли сделать что угодно с нашим визуальным восприятием. Но теперь у меня не оставалось сомнений — все это чистая правда. И как еще одно доказательство, вишенка на

торте, предводительница этого странного клана — девушка с серебряными волосами, которую звали просто Альфой, вокруг которой собралась целая стая животных. Пумы, олени, косули, кабаны, кролики, волки, птицы... Все послушно толпились вдоль дороги, пытаясь быть к ней как можно ближе, пока Повелитель стихий отводил от них огонь. На руках она держала котенка пумы с обожженной шерсткой и маленького оленя... Никто не враждовал, хищники и их добыча, словно дрессированные, послушно сидели вдоль дороги, печальным взглядом провожая проезжающие автомобили. Я будто попал в параллельную реальность, и из этого бредового сна меня вырвал возглас все это время дремавшего на заднем сиденье Генри:

— Тетя Хлоя!

— Что ты сказал? — меня будто ледяной водой окатило. — Дорогой, тетя Хлоя умерла, помнишь, мы с тобой об этом разговаривали. Это та женщина из телика, она — супергерой.

— Да нет же, это она, это тетя Хлоя! Она мне рассказывала, что всегда хотела сделать такие татуировки, — встретив мой ошарашенный взгляд, Генри сделал максимально умное лицо, которое вообще доступно восьмилетке, и продолжил. — У нее на ребрах был маленький синий треугольник. Я порвал ей футболку, но пап, я не хотел, правда, и тогда увидел его, но она взяла с меня клятву никому не говорить. И я никому не сказал, я сдержал обещание. Она еще тогда сказала...

— Что она сказала? — мое тело пробирала мелкая дрожь, пальцы, сжимающие руль, сковало судорогой.

— Она сказала, что однажды вся ее спина будет сиять тысячами таких треугольников, но только дядя Ник прибьет ее за такие выходки, поэтому это навсегда останется нашим секретом. Но посмотри, дядя Ник ее не прибил за это, на ее спине такие же треугольники! Все так, как она хотела! А можно, когда я вырасту, я тоже такие сделаю? — Генри был весьма доволен своим открытием. В то время, как я ненавидел себя за

свою слепоту. Ведь мой сын был прав: сквозь ключья обгоревшей футболки девушки прекрасно можно было рассмотреть оголенную спину, на которой среди тысячи замысловатых узоров вдоль позвоночника вилась веревочка треугольников. Весь этот сверхъестественный антураж с сияющей кожей, серебряные волосы были лишь напускной маскировкой. Как я мог не разглядеть за всем этим такое родное лицо? Девушка была как две капли воды похожа на ту, что мы похоронили... Так почему же я не могу ее узнать, а Генри это удалось с первого взгляда?

— Сколько тебе тогда лет было, ты помнишь?

— Четыре года, пап. Это было летом, они тогда еще привезли мне Оптимуса Прайма в подарок. Пап, а может трансформеры тоже существуют?

Я начал судорожно складывать паззлы в голове. Четыре года назад... Через год и несколько месяцев она пропала... Каким же я был идиотом, черт меня дери. Какими идиотами были мы все... Мои глаза все еще до конца не могли уловить этого очевидного сходства, но глубоко в душе я понимал, что Генри прав. Неужели даже Ник не знает?

Я ничего не соображал, когда мои пальцы судорожно набрали давно позабытый номер. Спустя несколько гудков, которые, как мне казалось, длились часами, на другом конце я услышал такой близкий, но такой забытый для меня голос.

— Адам, привет. Что-то случилось? — Ник явно был не рад вторжению давно позабытого прошлого в его жизнь.

— Привет, дядя Ник! Ты не согласишься, что мы только что видели! — Генри радостно ворвался в этот сеанс громкой связи.

— Привет, Генри. Рад тебя слышать, приятель, — раздался усталый голос на другом конце провода.

— Ник, ты помнишь ту троицу супергероев с ТВ? — осторожно спросил я, пока Генри не выдал всей сути до меня.

— Да, помню, ты ради этого меня разбудил? — скушающе зевнул Ник.

— Нет. Мы сейчас выбираемся из пылающей пожарами Калифорнии... Иии.. Ник. Это Хлоя. Я не знаю как такое возможно, мне кажется, я схожу с ума. Но это она. Ник, это Хлоя, она жива и она здесь. Она одна из этих трех светящихся, Альфа. Я не знаю, почему мы не узнавали ее раньше... Но Генри, ты же знаешь, как он любил ее. Он узнал ее. Это точно была Хлоя. Должна была быть она, — но ничего, кроме гудков, я уже не услышал.

ГЛАВА 1 — НИК

Дом. Такое простое слово. Но сколько в нем смысла. Это не просто стены и мебель, не просто стандартный набор бытовой техники и интерьерных безделушек. Это место, куда мы возвращаемся после тяжелого рабочего дня, после безудержной тусовки, после полного ярких впечатлений путешествия... И можем вздохнуть с облегчением, прийти в себя, сбросить все маски и расслабиться, облачившись в растянутые футболки и домашние тапки. Где бы мы ни были, сколько бы лет нам не было, мы всегда знаем, что есть место, куда мы можем вернуться полностью опустошенными и набраться сил идти дальше.

Для меня так было всегда. Я был ребенком из хорошей семьи, мои родители искренне любили меня, при этом никогда не ограничивая мою свободу. Для меня дом никогда не был местом, в которое было страшно возвращаться. Раньше для меня дом ассоциировался с теплом рук и доброй улыбкой моей матери, запахом папиных сигар, потрескиванием камина в гостиной. Даже когда у меня появилась своя квартира, родительский дом все равно оставался непотопляемым ковчегом, куда я всегда рад был возвращаться, счастливым или разбитым.

Потом появилась Хлоя, перевернув мой мир с ног на голову. Теперь мой дом пах ее волосами, звучал ее песнями, которые она постоянно мурлыкала себе под нос, был согрет

миллионом счастливых моментов, пережитых нами вместе. И от этих воспоминаний, как он навязчивого слайд-шоу, всплывающего в памяти, никуда не деться...

— Ник, ну мы же не будем как бродяги жить всю жизнь на коробках, — Хлоя, в коротеньких шортах и лифчике колдовала над плитой. Обожаю ее такой.

— Не будем, но согласись, что в это есть своя особенная романтика, — я подошел, приобняв ее со спины, вдыхая запах ее пшеничных волос.

— Конечно, есть, но мне кажется, мы заслуживаем большего, чем матрас и кухонный гарнитур, — она все продолжала причитать, мешая жаркое.

Не могу назвать себя аскетичным персонажем, но мне хотелось навсегда зависнуть в этом моменте. Мы уже месяц как переехали в свой дом, вложив в него и в его ремонт все свои сбережения, а так и не смогли разжиться ничем кроме кухонной бытовой техники и матраса. Но мне казалось, что большего и не нужно. Когда она была рядом, когда все вокруг было пропитано ее бешеной энергетикой, мебель была всего лишь жалким дополнением. Кажется, с Хлоей я познал значение выражения "с милым рай в шалаше". Хотя наш двухэтажный коттедж практически трехсот квадратных площадью назвать халупой можно было с большим натягом. Она вложила в его декор всю свою душу, и должен признать, что не прошло и дня, когда бы я не восхищался ее дизайнерским талантом. В каждой мелкой детали, в каждой плиточке, в каждом окне, в каждом метре обоев и штукатурки чувствовалась ее душа. А все эти коробки, вечный беспорядок... Еще больше отражали вечный творческий беспорядок внутри нее самой.

— На этой неделе будет суд по трем моим весьма перспективным делам, гонораров будет вполне достаточно...

Может быть на кровать? А может еще и диван? Или плюнем на все это и рванем на Гавайи на выходные? Мы заслуживаем отдыха, как считаешь?

— Ну уж нет. В этом бардаке я даже не найду свои купальники, — ободренная радостными перспективами, Хлоя обернулась и чмокнула меня в губы. — Нам определенно нужен шкаф. И комод. А там видно будет.

— Договорились, — я уселся на пол, облокотившись на кухонный гарнитур. Хорошо хоть его и плиту мы догадались купить сразу же. — А что у тебя с тем проектом? Офиса кажется?

— Оооой, даже не спрашивай. Заказчик решил меня с ума свести. Никогда бы не подумала, что глава компании с парой сотен людей в подчинении может быть таким непостоянным. У него настроение меняется каждый день! То синий недостаточно синий, то ему подавай цвет одуванчиков, то благородный серый... Мрак. Не думаю, что скоро с ним разберусь. Так что вся надежда на тебя, — от эмоциональной жестикуляции, на ее лицо упала прядка волос, которую она безуспешно пыталась сдуть. Я встал и заправил ее за ухо.

— Если уж ты с ним не справишься, то это никому это не по силам.

Эти дни бомжевания на коробках долгое время были одними из лучших воспоминаний для меня. В этом было что-то такое простое, беззаботное, романтическое. Тогда все было впереди... У нас был дом нашей мечты и были мы. Большого было и не нужно...

Теперь же, когда я вернулся с похорон Хлои, я боялся переступить порог. Этот дом слишком большой для меня одного, и, даже стоя на улице, я чувствовал, как его монументальные стены давят на меня, будто я в западне. Будто я застрял в лифте, и начинается приступ клаустрофобии.

Которой я, конечно, никогда не страдал. Куда бы не падал мой взор, везде я видел Хлою. Я мог рассказать историю каждой вещи, начиная с ее выбора, покупки до обоснования того или иного предмета в нашем жилище. Ко всему она приложила свою руку, душу... Навеки запечатлев себя в этих стенах. С трудом сдерживая ком в горле, я щелкнул клавишами мобильного телефона.

— Да, дорогой? — спустя всего пару гудков мама взяла трубку. Будто она ждала моего звонка.

— Мааам... Можно я к вам приеду? — голос срывался, а ком в горле достиг исполинских размеров, глаза защипало.

— Конечно! Я сама хотела предложить... Мы с отцом ждем тебя. Оставайся столько, сколько захочешь, — она пыталась бодриться, но по голосу матери было понятно — ей самой сейчас нелегко. Хлоя давно стала для нее родной дочерью.

Наспех побросав пару комплектов одежды в сумку и прихватив ноутбук, я чуть ли не бегом бросился к машине. Никогда не мог подумать, что мой собственный дом станет для меня ночным кошмаром, каждая минута здесь разрывала меня на части... Мне нужно передохнуть, взглянуть трезво на вещи, а здесь я этого сделать не в состоянии. В лучшем случае я закончу то, что начал несколько месяцев назад — сожгу тут все к чертовой матери. Но, как бы мне этого не хотелось, надо сохранить остатки разума и поступить, как взрослый человек. Решить, что делать с домом, да и со своей жизнью... И я даже не знаю, что из этого будет сложнее.

ГЛАВА 2 — НИК

Минуты тянулись часами, а дни превращались в месяцы. Все, что вам говорят о стадиях потери — полная чушь по сравнению с тем, через что приходится проходить на самом деле. Отрицание, злость и торг проходят слишком быстро, и ты с головой погружаешься в депрессию, заседая там как в болоте. И мне не было легче от того, что мы давно расстались, чем

меня пытались утешить близкие и друзья. Они в один голос твердили: хорошо, что это произошло уже тогда, когда у Хлои поехала крыша, и ваши дороги разошлись, когда ты привык жить без нее. Но это было не так. Это было еще хуже.

Если бы я знал тогда, что все может быть вот так, что наше бессмертие не дает стопроцентной гарантии, не защитит от того, что в итоге ты не успеешь даже попрощаться... Меня сжирало чувство вины каждый чертов день. Почему она так поступила, почему примкнула к Ворлдчайлд, почему обернула свои силы против добра, почему так нелепо ушла... И почему я был таким тотальным идиотом, что даже не попытался этому помешать.

Наши отношения никогда нельзя было назвать легкими, это всегда было столкновением двух ледоколов. Мы ругались, спорили до пены у рта, душили друг друга недельным молчанием, но всегда возвращались друг к другу. Отчасти, я был уже адресирован и готов к нашей разлуке, которая в итоге не просто затянулась, а стала вечной. И вот к этому меня жизнь не готовила. Под конец, зарывшись в делах Таймлесс, я уже даже не знал — а остались ли между нами хоть какие-то чувства? Ибо, не находя ответа, утешал себя мыслью, что у меня еще будет время в этом разобраться. А, как оказалось, уже тогда у меня его не было. И это убивало меня больше всего. Из близких мне людей мне даже не с кем было этим поделиться, никто не понимал всю абсурдность и тяжесть ситуации, а посвящать кого-либо в это из-за моей слабости было наихудшей идеей.

Друзья, семьи, СМИ, все проглотили информацию о том, что произошел взрыв бытового газа, в результате которого погибли двое ни о чем не подозревающих работников благотворительной организации, которые рискнули обнародовать материалы о реальных делах этой богадельни. Но только не я, да и не Таймлесс в целом. Мы понимали, что это был акт устрашения: напоминание, что будет с каждым из нас, если он рискнет пойти против системы. И что наше бессмертие